

Желнова Ирина Львовна

канд. филол. наук, преподаватель

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

г. Астрахань, Астраханская область

DOI 10.21661/r-114378

РОЛЬ АНТИЧНЫХ МОТИВОВ В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

***Аннотация:** античные мотивы в романе писателя представляют собой особый мотивный комплекс. Одним из центральных является мотив статуи, который представлен в разных вариантах. Он необходим для раскрытия концепции любви.*

***Ключевые слова:** мотив статуи, идеал классической античности, идеал женщины, образ Венеры, Изиды, внутренний мир героев, наслаждение красотой, коллизия любви, страсть.*

Последний роман И.А. Гончарова «Обрыв» (1869 г.) имеет огромное значение как для творчества самого писателя, так и для всей русской литературы в целом.

В монографии В.И. Мельника «Этический идеал И.А. Гончарова» отмечена следующая позиция: «Главное своеобразие художественного мышления Гончарова определяется его попытками органично совместить христианскую и античную, воспринятую в традициях Просвещения, этику» [3, с. 50].

Критик А.М. Скабичевский сравнивал роман «Обрыв» с античной статуей Венеры: «Подражая герою романа Гончарова Райскому, которому ежеминутно мерещились женские статуи, мы можем сравнить роман Гончарова с Венерою весьма оригинального свойства. Представьте себе статую, в которой художник обратил все свое внимание на тщательное выполнение отдельных частей» [2, с. 277]. Несмотря на отсутствие цельности в художественном замысле, критик отметил похвалой отдельные фрагменты и эпизоды романа, невольно отправляющих нас к шедеврам античной скульптуры.

Современник писателя В.В. Чуйко сравнивал роман Гончарова «Обрыв» с «Божественной комедией» Данте. «Будучи оба символистами, они оба в то же время обладали всеми свойствами великих художников-портретистов: фигуры Данте, точно бронзовые статуи, до такой степени врезаются в память, что их невозможно забыть <...> И гончаровские фигуры стоят перед нами, как бронзовые статуи, несмотря на неподвижность, в них кипит жизнь, совершаются душевные процессы...» [4, с. 289].

Мотив статуи – один из центральных в романе. Он представлен в разных вариантах: статуя, идол, идеал, портрет, кукла – и участвует в раскрытии любовной коллизии. В самом начале романа Борис Райский наслаждается красотой так «как бы наслаждался красотой в статуе». Сначала он увлекается женской красотой, как художник, ищущий идеал гармонии. Необходимо добавить – красотой внешней. Мысли Бориса Райского о красоте во многом похожи с суждениями самого автора: «Глупая красота – не красота... Красота, исполненная ума, – необычайная сила, она движет миром, она делает историю, строит судьбы;...» [1, т. 4, с. 365].

Райский стремится пробудить кузину, оживить холодную статую. И хотя он постоянно говорит о том, чтобы вывести Софью из слепоты и темноты, его страстные речи преследуют и явно эгоистическую цель – разбудить красавицу для себя.

Софья – идеальный объект для «развития» (излюбленное слово Райского), поскольку обнаруживает полное неведение жизни. Райский хочет наблюдать в Беловодовой женщину, узнать, что таится под этой красотой, и когда увидел, что нет этого в Софье Николаевне, задал себе задачу вызвать её к жизни. «Она, кажется, не слыхала, что есть на свете страсти, тревоги, дикая игра событий и чувств, доводящих до проклятий, стирающие это сияние с лица... У неё... такое чувство, <...>, каким светятся глаза у людей сытых, беззаботных, всем удовлетворенных и не ведающих горя и нужд» [1, т. 3, с. 23].

Райский ассоциирует Софью с олимпийской богиней: «Вы, кузина, просто олимпийская богиня... Вы не удостоиваете смертных снизойти до них, взглянуть

на их жизнь, живёте олимпийским неподвижным блаженством, вкушаете нектар и амброзию – и благо вам!» [1, т. 3, с. 31].

Беловодова воплощает собой пластический идеал классической античности, она подобно совершенной, но холодной и безжизненной статуе. История с запиской, опрометчиво написанной итальянскому графу, свидетельствует о том, что даже такой невинный поступок трактуется окружающими и ею самой как неверный шаг. Прекрасная статуя на какое-то мгновение ожила, но тут же вновь вернулась к своей неподвижности и мертвенности.

На сюжетную линию Беловодовой и Райского проецируется античный миф о Пигмалионе, согласно которому скульптор Пигмалион полюбил созданную им статую Галатею. Из разговора Райского и Веры слышны отголоски этого мифа: «Беловодова! Это – статуя, прекрасная, но холодная и без души. Её мог бы полюбить разве Пигмалион» [1, т. 4, с. 151].

Райский долго бьётся над изображением Софьи и, в конце концов, ему кажется, что у него получилось. Её портрет оказался подвластным кисти Райского, вероятно потому, что внутренний мир Софьи понятен Райскому, он «разгадал» её.

Главная героиня наделена умом и восприимчивостью. Райский, как и в отношениях с Беловодовой, пытается вначале пробудить её, вызвать в ней страсть. Вера ассоциируется с богиней Изидой, культ которой был популярен во времена поздней античности: «...таинственная фигура Веры манила его всё в глубину фантастической дали. Вера шла будто от него в тумане покрывала; он стремился за ней, касался покрывала, хотел открыть её тайны и узнать, что за Изида перед ним» [1, т. 4, с. 197].

Райский все время рассуждает о том, какой в идеале должна быть женщина. Поиски его ведут к образу Венеры, переосмысливая античное понимание и дополняя этот образ духом христианства: «Женщина – Венера, пожалуй, но осмысленная, одухотворенная Венера, сочетание красоты форм с красотой духа, любящая и честная, то есть идеал женского величия, гармония красоты!» [1, т. 5, с. 237].

Главный герой сопоставляет свои поиски идеальной женщины с хрестоматийной историей о Диогене, который среди бела дня гулял с зажженным фонарем и заявлял, что ищет человека: «Диоген искал с фонарем «человека» – я ищу женщины: вот ключ к моим поискам!» [1, т. 3, с. 258].

Отношения мужчины и женщины уподоблены в романе отношениям сатиры и нимфы: «Нимфа моя не хочет избрать меня сатиром, – заключил он [Райский] со вздохом, – следовательно, нет надежды и на метаморфозу в мужа и жену, на счастье, на долгий путь!» [1, т. 4, с. 5].

Как мы видим, античные персонажи часто встречаются на страницах романа «Обрыв». Отсылки к античным героям и образам свидетельствуют о том, что античность во второй половине XIX века оставалась важным составляющим русской культуры.

Список литературы

1. Гончаров И.А. Сочинения [Текст] / И.А. Гончаров. – В 4 тт. – М.: Правда, 1981.
2. И.А. Гончаров в русской критике [Текст]. – М., Гослитиздат, 1958. – 359 с.
3. Мельник В.И. Этический идеал И.А. Гончарова [Текст] / В.И. Мельник. – Киев: Лыбидь, 1991. – 152 с.
4. Чуйко В.В. Лучше поздно, чем никогда / В.В. Чуйко // И.А. Гончаров, его жизнь и сочинения: Сборник историко-литературных статей / Сост. В.И. Покровский. – М., 1912.